

Анархический коммунизм

I

Всякое общество, покончившее с частной собственностью, должно будет, по нашему мнению, организовать на началах анархического коммунизма[8]. *Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм — к анархизму, причем и тот и другой представляют собой не что иное, как выражение одного и того же стремления, преобладающего в современных обществах, — стремления к равенству*[9].

Было время, когда крестьянская семья могла считать выращиваемый ею хлеб и выделяемую дома шерстяную одежду плодами своего личного труда. Правда, даже и тогда такой взгляд был не совсем верен: уже тогда существовали мосты и дороги, устроенные сообща, были луга, осушенные общими силами, общинные пастбища и загороди, поддерживавшиеся общими усилиями. Всякое усовершенствование в ткацком станке или в способе окраски холста шло на пользу всем; и крестьянская семья не могла существовать иначе как при условии, что ей не в том так в другом будет оказана мирская поддержка.

Но в настоящее время, когда все связано и все переплетается между собою в промышленности, когда каждая отрасль производства пользуется услугами всех остальных, — искать долю каждого в современном производстве оказывается совершенно невозможным. Если обработка волокнистых веществ и ковка металлов достигли в образованных странах такого удивительного совершенства, то они обязаны этим одновременному развитию тысячи других крупных и мелких отраслей промышленности, распространению железных дорог и пароходов, навыку и ловкости, приобретенными миллионами рабочих, известному общему уровню развития всего рабочего класса и, наконец, вообще всем работам, которые производятся на всем земном шаре.

Итальянцы, умиравшие от холеры при прорытии Суэзского канала или от одеревенелости сочленений в Сэн-Готардском туннеле; американцы, погибавшие от пушечных ядер в войне за отмену рабства, сделали для развития хлопчатобумажной промышленности в России, в Европе и в Америке не меньше, чем те девушки и дети, которые чахнут на манчестерских или московских фабриках, или тот инженер, который — большею частью на основании догадки кого-нибудь из рабочих — вносит улучшения в ткацкие станки.

Каким образом определить при таких условиях часть, приходящуюся на долю каждого в тех богатствах, созданию которых содействуем мы все?

Становясь на эту обобщающую точку зрения, мы не можем поэтому согласиться с коллективистами и не можем признать, чтобы вознаграждение, пропорциональное числу

часов, употребленных каждым на производство этих богатств, представляло собою идеал или хотя бы шаг вперед по направлению к идеалу. Не входя здесь в обсуждение того, действительно ли меновая ценность товаров измеряется в современном обществе количеством необходимого для их производства труда, как утверждали Адам Смит и Рикардо, а за ними и Маркс (мы вернемся к этому впоследствии), заметим только, что в таком обществе, где орудия производства считаются общею собственностью, идеал коллективистов уже кажется неосуществимым. Раз только общество примет за основание принцип общественного владения, ему неизбежно придется отказаться и от всякой формы наемного труда.

Мы твердо убеждены в том, что смягченный индивидуализм коллективистов не сможет удержаться рядом с коммунизмом, хотя бы неполным, но уже выраженным в общем владении землею и орудиями производства. Новая форма владения собственностью потребует и новой формы распределения того, что будет выработано на общей земле общими орудиями труда. При новой форме производства невозможна старая форма потребления, точно так же как при ней невозможны и старые формы политической организации.

Наемный труд есть результат присвоения земли и орудий производства несколькими лицами. Он был необходимым условием развития капиталистического производства и должен умереть вместе с ним, даже если бы его попытались замаскировать под именем «рабочих чеков». Общая собственность на орудия производства неизбежно приведет и к пользованию сообща продуктами общего труда.

Мы думаем, кроме того, не только, что коммунизм желателен, но что современные общества, основанные на индивидуализме, сами *неизбежно должны двигаться по направлению к коммунизму.*

Развитие индивидуализма в течение трех последних веков — т. е. усиливающееся стремление каждой отдельной личности обеспечить себя помимо всех остальных, объясняется главным образом стремлением человека оградить себя от власти капитала и государства. Некоторое время большинство людей думало, а те, кто служил выразителями мыслей большинства, проповедовали, что, обеспечив себя, каждого порознь, человек сможет вполне освободиться и от государства, и от капитала. «Деньги, — думали люди, — дадут мне возможность купить все, что мне нужно, в том числе и свободу». Но оказалось, что тут крылась глубокая ошибка. Современная история заставляет каждого признать, что деньгами ни свободы, ни даже личного, продолжительного и стойкого обеспечения нельзя купить; что без сотрудничества всех отдельный человек бессилен, как бы ни были его сундуки полны золотом.

В самом деле, рядом с этим индивидуалистическим течением мы находим во всей современной истории, с одной стороны, стремление удержать остатки древнего коммунизма, а с другой — восстановить коммунистические начала в самых разнообразных проявлениях общественной жизни.

Как только общинам десятого, одиннадцатого и двенадцатого века удалось освободиться от власти светских или духовных владетелей, в них тотчас же стали сильно развиваться начала общего труда и общего потребления.

Город — именно город, а не частные лица («Господин Великий Новгород» в России) — снаряжал корабли и посылал караваны для торговли с отдаленными странами, и барыши от торговли доставались не отдельным купцам, а опять-таки всем — городу; город же покупал и нужные для жителей припасы. Следы этих учреждений сохранились кое-где до самого девятнадцатого века (до 1848 года), и везде народ свято сохраняет воспоминание о них в своих преданиях.

Все это исчезло. Одна только сельская община еще борется за сохранение последних следов этого коммунизма, да и то удастся ей только до тех пор, пока государство не бросит на чашку весов свой тяжелый меч.

Но вместе с тем повсюду возникают в самых разнообразных формах новые организации, основанные на том же принципе: *каждому по его потребностям*, потому что без известной доли коммунизма современные общества вовсе не могли бы существовать. Несмотря на узко эгоистический характер, который придает умам людей нашего времени товарное производство, коммунистическое направление обнаруживается постоянно и проникает в наши отношения во всевозможных видах.

Не так давно еще, когда через реку строили мост, то с каждого проезжего и прохожего взыскивали «мостовое»; теперь же мосты — общественная собственность, и каждый пользуется ими сколько ему нужно. Шоссейная дорога, за которую платят столько-то с версты, сохранилась только на Востоке.

Музеи, общественные библиотеки, даровые школы, общие обеды для детей, парки и сады, открытые для всех, доступные для всех, вымощенные и освещенные улицы, проведенная в дома вода (причем заметно стремление вовсе не считать в точности, сколько ее расходуется в каждом доме), все эти учреждения основаны на принципе «берите сколько вам нужно».

Конки и железные дороги уже вводят месячные и годовые билеты, сколько бы раз в году или каждый день вы ни ездили взад и вперед; а недавно в целой стране, в Венгрии (а за нею и в России), ввели на железных дорогах зонный тариф, дающий возможность проехать за одну и ту же цену как пятьсот, так и семьсот верст. От этого недалеко и до установления одной общей платы за проезд в такой-то области, как в почтовом тарифе. Во всех этих и во множестве других учреждений (гостиницы, пансионы и т. дал.) господствующее направление состоит в том, чтобы не измерять потребления.

Одному нужно проехать тысячу верст, другому только семьсот. Один съедает три фунта хлеба, другой только два... Это — чисто личные потребности, и нет никакого основания заставлять первого платить в полтора раза больше. И такое уравнивание обнаруживается даже в нашем индивидуалистическом обществе.

Кроме того, замечается стремление, хотя еще и слабое, поставить потребности личности выше оценки услуг, которые она оказала или окажет когда-нибудь обществу. Общество

рассматривается, таким образом, как целое, каждая часть которого так тесно связана со всеми другими, что услуга, оказанная кому-нибудь, есть вместе с тем услуга, оказанная всем.

Когда вы приходите в общественную библиотеку — только не в парижскую, а, например, в лондонскую или берлинскую, — библиотекарь не спрашивает вас, прежде чем дать вам нужную книгу, или хотя бы даже пятьдесят книг, какие услуги вы оказали обществу? Он просто дает вам книги, а в случае надобности даже поможет вам найти книгу в каталоге, если вы не умеете сделать этого сами. Точно так же за известный вступительный взнос — причем вклад в виде труда нередко даже предпочитается денежному взносу — научные общества открывают вам свои музеи, сады, библиотеки, лаборатории, ежегодные празднества — каждому члену, безразлично, будь он Дарвин или простой любитель.

В некоторых городах, если вы работаете над каким-нибудь изобретением, вы сможете отправиться в особую мастерскую, где вам отведут место, дадут столярный верстак или станок и все необходимые инструменты, все приборы — лишь бы только вы умели ими владеть — и предоставят вам работать сколько хотите. — «Вот вам нужные инструменты, привлечите к своему делу друзей, если найдете нужным, соединитесь с товарищами других ремесел — или работайте в одиночку, если вам это больше нравится, — изобретайте воздухоплавательный снаряд или не изобретайте ровно ничего — это ваше дело. У вас есть своя идея, и этого достаточно».

Точно так же добровольцы, принадлежащие к обществу спасения на водах, не спрашивают матросов тонущего корабля об их звании и заслугах, они пускаются в море во время бури, рискуют своею жизнью среди разъяренных волн и нередко погибают сами ради спасения людей, им совершенно неизвестных. Да и к чему им знать их? — «В наших услугах нуждаются, там находятся человеческие существа, взывающие о помощи, — этого достаточно: в этом уже заключается их право на спасение. Идем же спасать их!»

Таково направление — истинно коммунистическое, — проявляющееся повсюду, во всевозможных формах, в самой среде нашего общества, исповедующего индивидуализм.

Но пусть завтра какое-нибудь бедствие, например, осада города неприятелем, постигнет один из наших больших городов, страшно эгоистичных в обыкновенное время, — и этот самый город решит, что прежде всего нужно удовлетворить потребности детей и стариков, не справляясь с услугами, которые они оказали или окажут обществу; что нужно накормить прежде всего именно их и что нужно заботиться обо всех сражающихся, независимо от ума или храбрости, которые проявит тот или другой из них; а затем тысячи женщин и мужчин будут наперерыв проявлять свое самопожертвование в уходе за ранеными.

Итак, это стремление существует. Оно становится все более заметным, по мере того как удовлетворяются наиболее настоятельные потребности каждого, по мере того как возрастает производительная сила человечества; еще более делается оно заметным всякий раз, когда наместо мелочных забот нашей ежедневной жизни выступает какая-нибудь общая идея.

Можно ли после этого сомневаться в том, что когда орудия производства перейдут в собственность всех, когда работа будет производиться сообща, а труд, который займет в обществе принадлежащее ему по праву почетное место, будет давать гораздо больше продуктов, чем требуется, — что коммунистское стремление (сильное уже и теперь) расширит область своего приложения и сделается основным началом общественной жизни?

В силу всех этих данных, а также и ввиду практических соображений относительно экспроприации, о которой будет речь в следующих главах, мы думаем, что как только революция сломит силу, поддерживающую современный порядок, нашу первую обязанностью будет немедленное осуществление коммунизма.

Но наш коммунизм не есть коммунизм фаланстера или коммунизм немецких теоретиков-государственников. Это — коммунизм анархический, коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. Это — синтез, т. е. соединение в одно двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической.

II

Принимая «анархию» как идеал политической организации, мы опять-таки лишь выражаем другое очевидное стремление человечества. Всякий раз, когда развитие европейских обществ давало им возможность сбросить с себя ярмо власти, общества так и делали и немедленно пытались установить такую систему взаимных отношений, которая основывалась бы на началах личной свободы. И мы видим в истории, что те времена, когда сила правительства бывала расшатана, ослаблена или доведена до наименьшей степени путем местных или общих восстаний, были вместе с тем временами неожиданно быстрого развития хозяйственного и политического.

Мы видим это во времена независимых городов, настолько двинувших человечество вперед, в какие-нибудь двести или триста лет, в науках, искусстве, ремеслах, архитектуре, что раньше того времени за пять, десять веков не совершалось таких успехов; видим на крестьянском восстании, совершившем Реформацию и грозившем уничтожить папскую власть; на свободном (в течение некоторого времени) обществе, создавшемся по ту сторону Атлантического океана, в Америке, недовольными элементами старой Европы.

И если мы присмотримся к современному развитию образованных народов, то мы ясно увидим, как в них все более и более растет движение с целью ограничить область действия правительства и предоставить личности все большую и большую свободу. В этом именно направлении совершается современное развитие, хотя ему и мешает весь хлам унаследованных от прошлого учреждений и предрассудков. Как всякая эволюция, она только ждет революции, чтобы разрушить стоящие ей на пути ветхие постройки и свободно проявиться в новом возрожденном обществе.

Долго люди пытались разрешить неразрешимую задачу: «найти такое правительство, которое могло бы заставить личность повиноваться, причем само не выходило бы из

повиновения обществу».

Теперь же человечество старается освободиться вовсе от правительства и удовлетворять свои потребности путем свободного соглашения между личностями и группами, стремящимися к одной цели. Независимость каждой территориальной, земельной единицы, т. е. деревни, города, области, страны, становится настоятельной потребностью; взаимное соглашение заменяет собою понемногу законодательство и направляет отдельные частные интересы к одной общей цели, независимо от государственных границ.

Все отправления, которые недавно еще считались исключительною принадлежностью государства, теперь оспариваются у него: без его вмешательства люди устраиваются легче и удобнее. И, рассматривая успехи, сделанные уже в этом направлении, мы неизбежно приходим к заключению, что человечество стремится свести деятельность правительства к нулю и уничтожить государство, это олицетворение несправедливости, притеснения и всевозможных монополий в руках капиталистов.

Мы уже можем предвидеть такое общество, в котором личность, не связанная законами, будет руководиться исключительно привычками общественности, которая сама есть следствие испытываемой каждым из нас потребности искать поддержки, сотрудничества и сочувствия у других людей.

Представление об обществе без государства вызовет, конечно, по меньшей мере столько же возражений, как и представление о таком хозяйственном строе, в котором отсутствует частный капитал. Мы все выросли на целой куче предрассудков относительно государства, играющего роль Провидения в отношениях людей между собою. Все наше воспитание, начиная с преподавания римских преданий, известных под названием римской истории, и кончая византийскими законами Юстиниана, которые изучаются под названием римского права, а также всевозможными науками «о праве», преподаваемыми в наших университетах, — все приучает нас верить в правительство и в достоинства вездесущего и всемогущего государства.

Целые философские системы были выработаны и стали предметом преподавания с целью поддержания этого предрассудка. С тою же целью были созданы различные теории права. Вся политика основана на этом начале, и каждый политический деятель, к какой бы партии он ни принадлежал, всегда обращается к народу со словами: «Дайте *нам* в руки власть, и мы вас избавим от гнетущих вас бедствий: мы имеем возможность это сделать!»

От колыбели до могилы все наши действия управляются этими же началами повиновения государству и всемогущества правительств. Откройте любую книгу по общественной науке (социологии) или по юриспруденции, — и вы увидите, что правительство, его организация и его действия всегда занимают в этих книгах такое важное место, что мы, учащиеся по ним, привыкаем думать, будто вне правительства и государственных людей ничего не существует.

То же самое повторяется на все лады и в газетах. Целые столбцы посвящаются парламентским прениям и политическим козням, в то время как вся огромная ежедневная

жизнь народа, идущая своим путем вне государственной рамки, едва затрагивается в нескольких строках, и только по поводу какого-нибудь экономического явления или по поводу какого-нибудь нового закона, или же по случаю какого-нибудь происшествия, сообщенного полицией. И когда вы читаете эти газеты, вы совершенно забываете думать о бесчисленном множестве существ — т. е., собственно говоря, обо всем человечестве, — которые растут и умирают, страдают, трудятся и потребляют, думают и творят помимо этих навязчивых людей, которых мы до того возвеличили, что их тень, разросшаяся благодаря нашему невежеству, заслонила собою все человечество.

А между тем, как только мы перейдем от печатной бумаги к самой жизни, как только мы взглянем на окружающее нас общество, мы будем поражены тем, что правительство играет такую незначительную роль. Еще Бальзак заметил, что миллионы крестьян живут всю свою жизнь, не зная относительно государства ничего, кроме того, что они вынуждены платить ему большие налоги. Миллионы торговых и всяких других сделок совершаются ежедневно без всякого вмешательства правительства, и самые крупные из них — коммерческие и биржевые сделки — заключаются так неформально, что правительство и не могло бы вмешаться в них, если бы одна из сторон возымела намерение не исполнять принятого обязательства. Поговорите с любым человеком, сведущим в коммерческих делах, — и он вам скажет, что торговые операции, происходящие ежедневно между коммерсантами, были бы совершенно невозможны, если бы громадное большинство из них не основывалось на взаимном доверии. Простая привычка держать слово, боязнь потерять кредит оказываются более чем достаточными для поддержания той относительной честности, которая называется коммерческою честностью. Даже такие люди, которые без всякого зазрения совести станут отравлять своих покупателей негодным товаром, считают долгом чести исполнять свои обязательства по отношению к другим купцам. Но если эта относительная честность могла развиться даже при теперешних условиях, когда обогащение составляет единственный двигатель и единственную цель, то можем ли мы сомневаться в том, что ее развитие пойдет несравненно быстрее, как только присвоение чужого труда перестанет служить основой общественной жизни?

Другой поразительный факт, очень характерный для современной жизни, еще красноречивее говорит в том же направлении. Это — постоянное увеличение области предприятий, основанных на частном почине, и необычайное развитие свободных союзов для всевозможных целей. Мы остановимся на этом подробнее в главах, по священным *свободному соглашению*: здесь же достаточно будет сказать, что этого рода факты так многочисленны и так обычны, что самою существенною чертою второй половины 19-го века следует признать развитие вольных союзов, хотя социалистические и политические писатели не замечают их и предпочитают постоянно говорить нам о благодетельной роли правительства в будущем.

Эти свободные, до бесконечности разнообразные организации представляют собою настолько естественное явление; они растут так быстро, группируются так легко и составляют такой неизбежный результат постоянного возрастания потребностей образованного человека; и на конец, они так легко и выгодно заменяют собою правительственное вмешательство, что мы неизбежно должны признать в них явление, которого значение в жизни обществ неизбежно должно расти с каждым годом.

Если такие вольные союзы еще не распространились на все общественные и жизненные явления, то это зависит только от того, что они встречают непреодолимые препятствия в бедности рабочих, в делении современного общества на касты, в частной собственности и, в особенности, в государстве.

Уничтожьте эти препятствия, — и вы увидите, что союзы быстро покроют все необозримое поле деятельности образованных людей.

История последнего пятидесятилетия служит также живым доказательством того, что никакое конституционное правительство не способно к исполнению тех отпращиваний, которое государство захватило в свои руки. На девятнадцатый век будут когда-нибудь указывать как на эпоху крушения парламентаризма.

Это бессилие так очевидно для всех, ошибки парламентаризма и прирожденные недостатки так называемого представительного правления настолько бросаются в глаза, что те немногие мыслители, которые занялись критикой этой формы правления (Дж. Ст. Милль, Лавердэ), были лишь выразителями общего недовольства. Не нелепо ли, в самом деле, избрать нескольких человек и сказать им: «Пишите для нас законы относительно всех проявлений нашей жизни, даже если вы сами ничего не знаете об этих проявлениях»? Люди начинают понимать, что так называемое «правление большинства» значит на деле — отдать все дела страны в руки тех немногих, которыми составляется большинство во всякой палате, т. е. в руки «болотных жаб», как их называли во времена Французской революции, или людей, которые не имеют никаких определенных воззрений, а пристают то к «правой», то к «левой» партии, смотря по тому, откуда дует ветер и с кого можно больше сорвать.

Конституционное правление, конечно, было шагом вперед против неограниченного правления дворцовых партий, но человечество не может закинуть на нем; оно ищет уже новых выходов — и находит их[10]*.

Всемирный почтовый союз, общества железных дорог, различные ученые общества представляют собою примеры предприятий, основанных на свободном соглашении, заменившем закон.

В настоящее время, когда какие-нибудь группы, рассеянные в различных концах земного шара, хотят организовать с какою-нибудь целью, они уже не выбирают интернационального парламента из «пригодных на всякое дело депутатов» и не говорят им: «Дайте нам закон и мы будем вам повиноваться». Если нет возможности сговориться прямо или при помощи переписки, они посылают на конгресс людей, специально изучивших данный вопрос, и им говорят: «Постарайтесь сговориться относительно того-то и того-то и возвращайтесь к нам — не с готовыми законами в кармане, они нам не нужны, а с *проектом соглашения*, которое мы можем принять, но можем и не принять».

Так делают, между прочим, вот уже полвека английские рабочие союзы. Они ничего не привозят со своих съездов, кроме *предложений*, которые рассматриваются каждым союзом порознь и либо принимаются им, либо отвергаются. Точно так же поступают и крупные промышленные компании, ученые общества и всевозможные союзы, покрывающие целую

сетью Европу и Соединенные Штаты.

Так же станет поступать и общество, освободившееся от государственной власти. Чтобы отнять землю, фабрики и заводы у тех, кто ими владеет теперь, парламенты окажутся совершенно негодными. Покуда общество было основано на крепостном праве, оно могло мириться с неограниченной монархией; а когда оно основалось на наемном труде и эксплуатации масс капиталистами, оно нашло лучший оплот эксплуатации в парламентаризме. Но общество свободное, взявшее в свои руки общее наследие — землю, фабрики, капиталы, — должно будет искать новой политической организации, соответствующей новой хозяйственной жизни, — организации, основанной на свободном союзе и вольной федерации.

Каждому экономическому фазису соответствует в истории свой политический фазис; нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не введя вместе с тем и нового строя политической жизни.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 21 апреля 2025 20:02:15

██████████ ██████████ обновил 21 апреля 2025 20:02:32